

Антицерковный террор партизан Сибири и Дальнего Востока в годы Гражданской войны

Гражданская война, в которой поддержанные большевистской властью волны архаизации вызвали к жизни разрушительные идеи массовых социальных чисток, не могла не ударить по одному из очевидных символов отвергаемого порядка — церкви как структуры, традиционно связанной с властью и поддерживавшей её. Примером массового антицерковного террора была уже разрушительная пугачёвщина; в подготовительных материалах к «Истории Пугачёва» А. С. Пушкиным поимённо перечислено множество убитых повстанцами церковнослужителей, а также ограбления и осквернения церквей, вплоть до превращения их в отхожие места. Известно, что при разгроме пугачёвцами Казани в июле 1774 г. сгорели 1772 дома, 25 храмов и три монастыря (Саначин С. П. «Вторая казанская катастрофа» // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2010. С. 377).

Одна из самых неприглядных страниц красной партизанщины — массовый террор над интеллигенцией и служителями церкви. Регионы, где Гражданская война была особенно жестокой, дали и множество расправ над священнослужителями: юг России, Украина, Урал, Сибирь, Дальний Восток. Известный историк объясняет разгул жестокостей в деревне тем, что «...крестьянство постоянно использовало насилие в качестве механизма защиты своих интересов внутри и вне общины. С его помощью сельский мир боролся с конокрадами, ворами, бродягами, хулиганами» (Шиловский М. В. Факторы, определявшие политическую активность сибирского крестьянства в годы социальных катаклизмов начала XX в. // История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны. Тезисы докл. Всероссийской науч. конф., посвященной 75-летию Западносибирского крестьянского восстания 1921 г. Тюмень: Тюм. ун-т, 1996. С. 70). Люди, терявшие ориентиры, в т. ч. нравственные, в ходе длительного военного противостояния и хозяйственного разорения легко маргинализировались и организовывали жестокое истребление тех, в ком видели врага. По поводу крестьянских самосудов над духовенством на Украине даже Д. Бедный, не знавший пощады в обличениях «антихристов долгогривых», счёл необходимым увещевать крестьян:

«Умейте отличить, друзья, борьбу от мести.

На месть жестокою способны богачи, —

Но мы — борцы, не палачи, —

У них оспаривать такой не станем чести...»

(Воронский А. К. Литературные силуэты: Демьян Бедный // Красная новь. 1924. № 6. С. 303–328).

Маргинализованная часть крестьянства, подстрекаемая большевиками, анархистами, дезертирами, в своём желании снести видимые элементы чуждой городской государственности и возвести «мужицкое царство», не щадила всех, кто защищал старые порядки. Партизаны дружно обвиняли «попов» в наведении карателей на них и сочувствовавших, в составлении списков сторонников советской власти, а порой и в самоличных расправах над большевиками и красногвардейцами. В беспощадной Гражданской войне часть клира действительно заняла бескомпромиссную позицию осуждения большевизма и партизанщины. Например, живший в с. Евгацино Тарского уезда священник В. И. Богинский являлся вдохновителем и организатором дружины, деятельно уничтожая пленных красногвардейцев и партизан (Бочарников В. И.

Партизанское движение в Омской области в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции (1918–1919 гг.). Омск, 1960. С. 134), в связи с чем оказался в 1927 г. фигурантом громкого судебного процесса, по которому был расстрелян. Описывавший ситуацию в Минусинском уезде летом-осенью 1919 г., журналист Н. К. Ауэрбах тогда же зафиксировал: «Я знаю одного протодиакона, начальника дружины, который утром расстреливал собственноручно захваченных красных, а вечером служил всю ночь. Я говорил со священником, комендантом перевоза, не знавшего иных слов по отношению к красным, как расстреливать. Другой священник отказал в исповеди приговоренному к расстрелу красному» (ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 938. Л. 50). Сучанские партизаны в Приморье одного из отстреливавшихся священников захватили во время боя с группой офицеров во главе с местным учителем И. И. Глубоковым, после чего всех пленных убили: священник, «проклиная революцию, ушел в „лоно авраамово“» (Ильюхов Н., Титов М. Партизанское движение в Приморье. — Л., 1928. С. 155).

В конце 1922 г. чекисты Забайкалья, по их отчёту, произвели «массовые аресты среди духовенства, которое поголовно вело контр-революционную работу в Семеновских контр-разведках» (ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 753. Л. 58). Предводитель партизан Горного Алтая И. Я. Третьяк вспоминал: «К нам явились бедняки, в количестве 15 человек, с заявлением, что маралихинский священник шпион, что по спискам, которые он составлял, расстреливались бедняки. Партизаны расстреляли этого попа» (Третьяк И. Я. Партизанское движение в Горном Алтае С. 167). Партизанский вожак Д. И. Ряполов, выехав в конце ноября 1919 г. в офицерской форме на разведку, за с. Солонешенским Бийского уезда встретил священника, который принялся рассказывать «офицеру», где скрываются партизаны: «...Конечно, тут же на месте этот поп был зарублен[,] предварительно опрошенный о местонахождении и количественном составе белых» (ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1156. Л. 2). Партизаны П. Е. Щетинкина 22 января 1919 г. в д. Турецкая (Лодочная) Больше-Улуйской волости Ачинского уезда жестоко убили священника и поэта Фокина, а 31 января — убили за с. Петровским Минусинского уезда местного священника М. Каргополова (Енисейские епархиальные ведомости. 1919. № 5. С. 29; Щетинкин П. Е. Борьба с колчаковщиной. Очерк партизанской борьбы на Минусинском фронте. Новосибирск, 1929). Действовавшие в Каменском уезде Алтайской губернии партизаны И. В. Громова (Мамонова) в мае 1919 г. напали на с. Поперечное и первым делом ограбили старообрядческого священника, забрав у него около 5 тыс. руб.; затем его увели и замучили в окрестностях, мстя за активное содействие белым (Курышев И. В. Из истории партизанского террора в Западной Сибири С. 102).

Партизаны часто практиковали истребительный террор против церкви вообще — с поголовным убийством не только священников, но и дьяков, пономарей, монахов и монашек, сжиганием храмов и молельных домов. Секретарь Сиббюро ЦК РКП (б) писал: «Сибирь никогда не отличалась особенным религиозным фанатизмом деревни... В дни колчаковщины сибирские попы (не только русские) организовывали всякие „исусовы полки“, „дружины святого креста“, „дружины зеленого знамени“, чтобы помочь Колчаку. Зато крестьяне-партизаны без особенного священного трепета „снимали челпаны“, попросту — рубили головы этим воинственным попам, когда те попадали им в руки» (Ярославский Ем. По Сибири (внутреннее обозрение) // Сибирские огни. 1922. № 3. С. 141). По мнению И. В. Курышева, партизанский террор «тесно смыкался с уголовщиной и бандитизмом», а массовые и жестокие убийства священнослужителей были характерны для тех отрядов, где преобладали криминальные элементы, дезертиры и «лица с ярко выраженным маргинальным типом сознания» (Курышев И. В. Из истории партизанского террора в Западной Сибири (1918–1920 гг.): социально-психологический аспект // Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Вып. VII. — Тюмень, 2005. С. 103–104, 106). Однако сведения о чудовищно жестоких расправах над священниками характерны практически

для всех известных партизанских соединений. Как сообщал на рубеже 1919–1920 гг. политкомиссар 1-й Томской партизанской дивизии П. Ф. Федорец, «убийство контр-револ.[юционных] попов производилось всеми отрядами» (ГАТО. Ф. Р-236. Оп. 4. Д. 322. Л. 70–71). Восточносибирские партизаны тоже «в большинстве случаев жестоко расправлялись со священнослужителями, видя в них пособников белогвардейцев» (Новикова Т. М. Русская православная церковь и власть в годы Гражданской войны в Восточной Сибири (декабрь 1917 г. — август 1921 г.). Автореф. дисс. к.и.н. — Иркутск, 2011. С. 15).

Истребление служителей православной церкви нередко шло с садистской жестокостью. В июне 1919 г. партизаны Каинского уезда Томской губернии ограбили, а затем жестоко убили (сначала избивали пять дней подряд, выдирали волосы) в окрестностях с. В.-Красноярское священника И. Бонака, имевшего пятерых детей, и его престарелого отца. Они же в с. Бочкарёвка убили жену протоиерея Г. Быстрова, а иеромонаха Серафима после издевательств увезли, привязанного к лошадиному хвосту, и тело мученика не было найдено. В с. Масловском после шестидневных издевательств убили священника Воинова, а также псаломщика Челмодеева (В. С. Зверство красных банд // Сибирская жизнь. 1919. 5 окт. С. 2).

Действовавшим на Алтае отрядом Г. Ф. Рогова было «убито по волостям Титовской, Дмитро-Титовской и Верх-Чумышской восемь священников, трое лесничих и несколько человек крестьян» (Алтайский вестник. 1919. № 122. 18 июля). Роговцы 8 октября 1919 г. ненадолго захватили с. Дмитро-Титовское Барнаульского уезда, убили 14 чел., в основном, зажиточных и членов дружины самообороны, и почти всех жителей ограбили. Активного противника повстанцев и вдохновителя дружинников священника о. Василия Закурдаева сначала долго волочили на верёвке за повозкой, а потом добились штыковыми ударами и выстрелами: «У убитого оказалось... все тело избичеванным, а голова отрублена» (Партизанское и повстанческое движение в Причумышье 1918–1922 гг. Док-ты и материалы. Барнаул, 1999. С. 272–273). Партизан В. М. Голев подтвердил жестокость расправы над священником: «По распоряжению Рогова всех пойманных дружинников представляли [на суд] к волости. Попа Закурдаева повели тоже туда, но ввиду доброй переборки партизанскими плетьюми от этой ходьбы он отказался. Решено было привязать его веревкой к хвосту лошади и таском доставить на указанное место» (ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1161. Л. 16.). Другой мемуар уточняет судьбу насельников монастыря: летом 1919 г. роговцы «вспомнили, что в соседнем селе Мироновке «...около «святого» монастырского ключа таится враг — духовенство. Послали туда 25 чел., монахов разогнали, игумена и попов зарубили» (ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1166. Л. 49). По первоначальным газетным сведениям, в Мироновке был убит священник О. П. Донорский и три монаха (Лин З. Красные ужасы // Алтайский вестник. № 184. 8 сент. С. 3).

В Каменском уезде священника с. Корнилово партизаны И. В. Громова подвергли диким пыткам: отрезали губы и нос, оскопили и лишь потом убили; жену псаломщика изнасиловали всей бандой, а затем изрубили на куски (Наблюдатель. События в г. Камне // Алтайский вестник. 1919. № 161. 4 сент. С. 3–4). Действовавшие в Новониколаевском уезде Томской губернии повстанцы осенью 1919 г. заняли — недалеко от Каргата — с. Индере и Ярково. В с. Комарьинском (60 вёрст от Ярково) они вывели за село священника с женой и тремя детьми, заставили вырыть яму и засыпали всех живыми. В с. Суздальском (30 вёрст от Ярково) партизаны убили священника В. Н. Пономарева и его псаломщика; в с. Довольном (35 вёрст от Ярково) замучили о. А. Покровского; в с. Верх-Каргатском священника К. Бойко, только что окончившего семинарию, прогнали сквозь строй, задушили и бросили в реку (Сибирская жизнь. 1919. № 225. 24 окт. С. 3). Либо в это время, либо несколько позднее в д. Волчанка, в 30 км от районного с. Довольное, были

убиты 18 священнослужителей (Репрессированная сибирская провинция: материалы регионального научно-практического семинара. Новосибирск, 28–29 октября 2013 г. Новосибирск, 2013. С. 113).

Одним из распространённых видов партизанских расправ были утопления, нередко групповые. Священников топили настолько часто, что в циничном военно-партизанском фольклоре появилось словечко «водолаз». Дальневосточные партизаны священника Л. Сребренникова убили на Рождество в 1919 г. в с. Лермонтовка (ныне Бикинский район Хабаровского края): выведя его на реку к проруби, палачи, со словами: «Ну, водолаз, ты крестил, и мы тебя будем крестить», — нанеся несколько ударов кинжалом, опустили мученика в прорубь (Польской М. Новые мученики российские. — Типография преп. Иова Почаевского, Holy Trinity Monastery, Jordanville, NY. Т. II. 1957; Уссурийский казачий вестник. 1921. № 6. 27 янв.).

Иногда крестьянам удавалось спасти своего батюшку. Так, во время Зиминского восстания в степном Алтае на волостное с. Павловское налетела банда из 18 крестьян с. Рогозино, которая сначала захватила управу и почту, а затем «оцепила церковь, где в это время шла всенощная и повели священника топить, но молящиеся не дали...» (Лин З. Красные ужасы // Алтайский вестник. 1919. № 184. 8 сент.). Священник Алтайской губернии М. И. Вяткин в конце августа 1919 г. был арестован «повстанческой разведкой», но затем по приговору общества освобождён (ГАРФ. Ф. 1007. Оп. 7. Д. 556. Л. 1 об. — 3). Однако часто прихожане безучастно или даже с одобрением встречали нечеловеческую партизанскую расправу над священнослужителями. Когда 12 декабря 1919 г. сдались осаждённые партизанами батальона роговца М. З. Белокобыльского уцелевшие защитники большого с. Тогул, расположенного на стыке Бийского и Кузнецкого уездов, им, согласно партизанским мемуарам, при широком скоплении народа была учинена «жестокая месть», причём 16 священнослужителей были сожжены живьём: «Когда привели на площадь — попам стало ясно, что костры для них. Заревели, стали молиться, просили пощады. Но пощады не было. Их загоняли на костры штыками, остриями пик и шашек. Запахло паленым. Так же расправились с контрразведчиками...» (ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 2. Д. 1166. Л. 88).

В результате партизанщины основная часть сельских священников была убита или бежала. На рубеже 1919–1920 гг. в Черниговском районе Приморской области неизвестный огромный партизан-силач в одиночку по ночам врывается в жилища священников и дьяконов, убивая их подчас вместе с семьями: так была вырезана семья благочинного в Черниговском районе. Себя убийца, охотившийся также за белыми офицерами и японцами, называл Максимом Горьким, а прибыл он с Ижевских заводов, будучи привезён на Дальний Восток в «эшелоне смерти». Этот «Максим», повредившийся в уме и мстивший всем подряд, был убит японцами примерно в 1920 г. под Спасском, но успел уничтожить почти всех черниговских священнослужителей (Караман В. Н. Партизан Максим (воспоминания бывшего организатора и начальника связи и разведки при штабе партизан Приханкайского района Приморского края Ивана Гавриловича Ганенко) // Известия Восточного института. 2012. № 2. С. 120–127).

Приморские партизаны гордо писали о полном уничтожении священства: «...Как только роль попов была разгадана, песенка их была спета... ..с уверенностью можно сказать, что в приморских селах «батюшек» (если они вообще теперь там появились) со стажем с 1919 г. не найти и днем с огнем» (Ильюхов Н., Титов М. Партизанское движение в Приморье. С. 155). Воевавший в Бийском уезде Алтайской губернии И. Я. Огородников так резюмировал итоги партизанщины: «...Головы... рубили почем попало. Хорошо [или] плохо это, для партизан было все хорошо и верно. Чем-то нужно было заняться. [...] Этим мы задали деревенской, сельской, городской

контрреволюции страсти. Они в то время не смели показать головы. В особенности поповские элементы, которые более действовали на крестьянство. Попа совершенно не видно было в деревне» (ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 6. Д. 316. Л. 96–97). Отряд роговца М. З. Белокобыльского после окончания боевых действий зимой и весной 1920 г. перемещался от села к селу на пути от Горного Алтая к Колывани, сочетая непрерывное пьяное веселье с убийствами: «Занятие было одно. Гуляли, добивали оставшееся духовенство...» (ГАНУ. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 1586. Л. 7).

Расправы над служителями веры и погромы церквей были характерны для всех регионов активной партизанщины. В них зачастую проявлялось не столько желание за что-то отомстить, сколько характерная для маргиналов сознательная либо иррациональная жажда «переступить черту», совершить нечто, выходящее за рамки любых мирских ограничений — то, что В. Г. Кокоулиным охарактеризовано как «бесовщина» (Кокоулин В. Г. Сибирские партизаны и религия // История «белой» Сибири. Кемерово, 2009. Вып. 8. С. 166). Поэтому сам факт нахождения священника с семьёй среди партизанской стихии требовал от него готовности пожертвовать собой и близкими.

Антицерковный террор физически уничтожил значительную часть клира и способствовал отказу от сана ряда священнослужителей. Но он не закончился с окончанием партизанщины, ибо после восстановления большевистской власти в Сибири и на Дальнем Востоке эти регионы на годы погрузились в хаос красного бандитизма, продолжавшегося в течение всей первой половины 1920-х гг., и одной из мишеней которого стали уцелевшие священники. В апреле 1922 г. чекисты отмечали, что в Славгородском уезде Омской губернии борьбу с бандитизмом ведут местные комячейки, попутно ликвидировавшие священника, заподозренного в связях с повстанцами (ЦА ФСБ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 626. Л. 81). Следующая же вспышка антицерковного террора начнётся в период коллективизации, когда только в начале 1930 г. по распоряжению полпреда ОГПУ по Сибкраю Л. М. Заковского будет расстреляно 10% всех священнослужителей региона (ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 220. Л. 152).

Впервые опубликовано: Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков. Материалы XIV Международной научной конференции, Иваново, 18–19 марта 2015 г. Иваново: Изд-во «Ивановский гос. ун-т», 2015. Ч. 2. С. 563–570.